

входѣ въ храмъ совершена было Божественная литургія. Во время литургіи соборное служеніе, пѣніе приглашенныхъ изъ города Волоколамска, пѣвчихъ, блескъ отъ вызолоченаго иконостаса, множество горящихъ свѣчъ, прекрасная живопись мѣстныхъ иконъ и самая архитектура храма, — все это, вмѣстѣ взятое, вѣдушахъ каждаго участвующаго въ это время, неволью производило чувство необъяснимой радости. Предъ началомъ молебна (по окончаніи литургіи), о. благочинный приблизился къ аналою и сказалъ рѣчь, во время которой многіе изъ предстоящихъ, слушая ее, отъ радости, что Богъ привелъ имъ дожидаться до дня освященія храма, столько лѣтъ строившагося, — плакала. Когда рѣчь кончилась, по отсутствію молебнаго пѣнія Рождеству Пресвятыя Богородицы, провозглашены діакономъ три многолѣтія: первое Государю Императору со всѣмъ Царствующимъ домою, другое — Святѣйшему Синоду и высокопреосвященнѣйшему Іоанннкію митрополиту Московскому и Коломенскому и преосвященному Мисаилу, епископу Можайскому, и третье, освятителямъ и благотворителямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Послѣ всего, всѣ служащіе и другіе гости, старосты церковнымъ, были приглашены въ домъ настоятеля на обѣдъ, здѣсь, при входѣ въ домъ, они были встрѣчены пѣвчими концертомъ: «Боже Царя храни». Затѣмъ, когда обѣдъ кончился, нѣкоторые изъ прихожанъ, бывшихъ на обѣдѣ, пожелали, чтобы всѣ священнослужители снова вошли въ освященный храмъ и всѣмъ соборомъ, въ знакъ особеннаго благоволенія къ нимъ Бога, помогавшаго имъ въ теченіи восемнадцати лѣтъ постройки храма при всѣхъ трудностяхъ, — отслужили благодарственный молебенъ Ему; это было исполнено ими, этимъ и окончилось торжество.

Села Буйорода свящ. Чижовъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

СВЯЩЕННИКЪ М. В. ЛЕОНОВИЧЪ.

(Некрологъ).

26-го ноября было погребеніе состоявшаго при храмѣ Снастителя священника Михаила Васильевича Леоновича. Покойный былъ сынъ дьячка, села Леонтьева, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губ. Семейство его отца, кромѣ его самого, состояло изъ трехъ дочерей и двухъ сыновей. Первоначальное свое образованіе М. В. получилъ въ Вяземскомъ духовномъ училищѣ, — откуда, по окончаніи курса, въ 1871 году поступилъ въ Смоленскую духовную семинарію. Не имѣя средствъ къ содержанію, онъ обратился къ милости ректора семинаріи, архимандрита Нестора (нынѣ епископъ Смоленскій и Дорогобужскій), и вскорѣ былъ принятъ въ Аврааміевскій монастырь (находящійся близъ самой семинаріи), — гдѣ пользовался даровымъ помѣщеніемъ и скудною пищею со стола казенно-кошныхъ воспитанниковъ семинаріи. Въ то время такихъ бѣдняковъ, пріютившихся въ монастырѣ по милости ректора семинаріи, было не мало. По близости къ семинаріи эти бѣдные воспитанники сами ходили на кухню за пищею къ обѣду и ужину, — и не разъ случалось видѣть покойнаго о. Михаила при этой обязанности, поочередно исполняемой каждымъ изъ монастырскихъ воспитанниковъ. Однажды было даже такъ, что за невѣдніемъ посуды покойный о. Михаилъ въ одномъ кувшинѣ несъ къ обѣду щи, картофель и кашу. Такъ было сильно стремленіе къ образованію, — что на по-

добныя мелочи не обращалось вниманія, и всѣ были довольны своимъ положеніемъ, ибо иначе пришлось бы жить подъ открытымъ небомъ или лучше брать увольненіе изъ семинаріи. Въ этомъ случаѣ нельзя не принести чувства большой благодарности бывшему ректору семинаріи Нестору. Участіе его къ положенію воспитанниковъ проявлялось даже и въ денежной помощи; изъ своихъ собственныхъ средствъ онъ удѣлялъ каждому нуждающемуся воспитаннику и никогда не требовалъ и не напоминалъ о долгѣ. Съ благодарной памятью вспоминаютъ теперь бывшіе воспитанники монастыря о своемъ добромъ и милостивомъ ректорѣ. Въ половинѣ семинарскаго курса покойный о. Михаилъ принятъ былъ на казенное содержаніе, а въ 1877 году окончилъ курсъ съ званіемъ студента семинаріи. По окончаніи курса онъ нѣкоторое время былъ безъ должности и поэтому вынужденъ былъ поступить поца псаломщикомъ въ село Сверлоучье, Дорогобужскаго уѣзда. Здѣсь онъ заработалъ себѣ 24 руб. жалованья за полгода; — но не видя возможности какъ-нибудь улучшить свое положеніе на этой должности, въ началѣ 1878 г. онъ занялъ мѣсто надзирателя при Вяземскомъ духовномъ училищѣ. Здѣсь онъ прослужилъ полтора года, оставивъ въ своихъ товарищахъ по службѣ самое лестное о себѣ воспоминаніе. Въ 1879 г. покойный о. Михаилъ поступилъ въ число своекошныхъ студентовъ Московской духовной академіи. Въ теченіе года онъ однако настолько успѣлъ въ своихъ занятіяхъ, что былъ принятъ въ число Лаврскихъ стипендіатовъ и уже въ продолженіе всего остальнаго академическаго курса пользовался назначенной ему стипендіей. Своими способностями и прилежаніемъ онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе какъ со стороны академическаго начальства такъ и со стороны студентовъ — товарищей; а своими душевными качествами онъ пріобрѣлъ себѣ искреннюю расположенность послѣднихъ. Время шло... научное образованіе покойнаго близилось уже къ концу, оканчивался уже и трудный годъ занятій надъ кандидатскимъ сочиненіемъ, — какъ вдругъ въ маѣ мѣсяцѣ 1882 г. умираетъ отецъ и осиротѣвшее семейство зоветъ къ себѣ на помощь покойнаго о. Михаила. Предоставляемъ каждому судить, съ какими чувствами усталый отъ занятій, убитый внезапнымъ горемъ, вступилъ на порогъ своего дома бѣдный сынъ бѣднаго отца, — какихъ тяжелыхъ, нравственныхъ мукъ стоило ему выдержать всю картину семейнаго горя... Измученный нравственно и физически, онъ идетъ къ епископу Нестору, въ Смоленскъ, и проситъ его преосвященство опредѣлить на мѣсто умершаго отца своего младшаго брата. Во вниманіе къ положенію семейства, добрый архипастырь согласился удовлетворить просьбѣ своего бывшаго воспитанника и вотъ семья, благодаря Бога, получила опять насущный кусокъ хлѣба. Окончавъ свои трудныя и печальныя хлопоты, — покойный о. Михаилъ возвратился въ академію. Здѣсь онъ удостоился услышать лестный отзывъ о своемъ кандидатскомъ сочиненіи и думалъ было снова взяться за работу. Но, видя себя физически и душевно разстроеннымъ, онъ бросилъ эту мысль и рѣшилъ не много отдохнуть и поберечь себя для предстоящей жизни. Сочиненіе въ прежнемъ видѣ отослано для напечатанія въ Странникѣ. Проходило время... годъ уже оканчивался и вотъ въ маѣ мѣсяцѣ 1883 г. покойный о. Михаилъ выходитъ изъ академіи съ званіемъ кандидата богословскихъ наукъ.

Теперь предстояли заботы объ устройствѣ своей судьбы. Съ жаромъ онъ принялся за это дѣло и чрезъ какіе-нибудь

три мѣсяца женился въ Москвѣ, на дочери умершаго протоіерея о. Евфимія Михайловскаго Алексинскаго, Аннѣ Евфимовнѣ, — и поступилъ священникомъ къ храму Христа Спасителя. Жена выпала на его долю съ прекрасными качествами души, — такая, которая вполне могла составить его семейное счастье; служебное положеніе давало возможность надѣяться на безбѣдное существованіе. Но только что начала расцвѣтать молодая жизнь, только что началось сладостное и трепетное біеніе сердца у молодой четы при ясномъ взорѣ на свѣтлую раскрывающуюся впереди будущность, какъ уже страшное и зловѣщее дыханіе разрушительной силы проникло въ несчастную семью. Черезъ какія-нибудь полторы недѣли послѣ посвященія бѣдный о. Михаилъ почувствовалъ себя нездоровымъ, — чѣмъ далѣе — все болѣе и болѣе, открылась наконецъ горловая чахотка, — и никакія усилія не могли предотвратить страшнаго роковаго конца. 23 ноября смерть уже приняла въ свои жестокія объятія намѣченную жертву.

Что чувствовала молодая жена во все время тяжелой болѣзни молодого мужа, — болѣзни, отравившей первые дни ихъ супружества? Что чувствовала она въ минуту роковой развязки? Можно-ли выразить страданія бѣдной, молодой женщины, еще только 18-ти лѣтъ? Можно-ли изобразить весь ужасъ молодости, въ пору своего цвѣта гибнущей подъ неотвратимыми ударами жестокой судьбы? Страшный вопль отчаянія, ужасныя истерическія рыданія, раздирающія душу всякаго зрителя — вотъ только слабыя проявленія той душевной бури, которая клокотала въ груди молодой женщины. Наше слабое перо не въ состояніи представить картину той ужасной драмы, которая разыгралась въ семьѣ молодого священника. Чувство всякаго подскажетъ и дополнитъ недостающія детали въ этой драмѣ.

Въ половинѣ 9-го часа утромъ 26-го ноября священнослужители собрались на квартирѣ умершаго священника. Началось литія. «Благослови, Владыко!»... «Господи помилуй!»... Вдругъ сильный, хватающій за душу крикъ молодой женщины «Миша!»... Какой-то трепетъ охватилъ всѣхъ присутствовавшихъ, невольная дрожь пробѣжала по всему тѣлу и мгновенно воцарилось молчаніе. Бѣдная супруга упала въ сильный обморокъ. Ее увели... Литія продолжалась... Вдругъ новый, — старческій крикъ: «Мишенька! Миша! Сыночекъ мой!» То голосъ матери, потерявшей свою дорогую надежду, убитой въ своей горячей материнской привязанности. И, Боже, какъ много и какъ сильно выражало это одно слово: «Миша!» въ устахъ молодой жены и старушки-матери!

Но вотъ подняли гробъ и съ пѣніемъ «Святый Боже» печальное шествіе направилось къ церкви Екатерины мученицы (на Ордынкѣ). Обѣдню совершалъ соборные протоіерей храма Спасителя съ пятью священниками, и 3-мя діаконами. Грустная и печальная торжественность службы, тихое и заунывное похоронное пѣніе, толпа молящихся, стоящихъ съ поникнутыми головами и набожно осѣняющихъ себя крестнымъ знаменіемъ, тишина, среди которой по временамъ слышались печальные вздохи лицъ, окружающихъ гробъ, — все это давало всякому чувствовать, что въ данную минуту совершается что-то таинственное, что-то торжественное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное... Видъ смерти, которая всегда производитъ на человѣка впечатлѣніе какого-то ужаса и вмѣстѣ трепетнаго благоговѣнія, которая какъ-то невольно понуждаетъ человѣка къ самоуглубленію, къ вдумчивости въ себя, — тѣмъ болѣе видъ такой ужасной смерти не могъ не

придать сознанию человѣка особенной изощренности, — дѣлалъ человѣка чуткимъ и воспримчивымъ къ явленіямъ другого міра, — ошутительность дѣлалась острѣе и чувствомъ своимъ человѣкъ зрѣлъ соприкосновеніе двухъ міровъ... И жарко молилась толпа объ упокоеніи усопшаго... Вонъ тамъ — въ углу какой-то старичекъ тихо отираетъ рукавомъ бѣгущія по лицу слезы... Онъ что-то шепчетъ... Бѣдный, быть можетъ, онъ самъ предчувствуетъ, что скоро ему придется умереть, — и плачетъ онъ, что нѣтъ у него любящей руки, которая закрыла-бы его глаза; быть можетъ, добрый старичекъ плачетъ о насъ, молодыхъ людяхъ, которые не умѣютъ беречь своего здоровья, слишкомъ полагаются на себя и кончаютъ тѣмъ, что въ какія-нибудь 25—30 лѣтъ своей жизни оставляютъ убитую горемъ молодую жену, иногда съ дѣтьми, на произволъ судьбы, — между тѣмъ какъ онъ, старичекъ, никому не нужный, въ тягость себѣ, живетъ до глубокой и драхлой старости...

Литургія окончилась. Изъ алтаря вышли 12-ть священниковъ съ предстоятелемъ — протоіереемъ храма Спасителя и заняли мѣста по обѣ стороны гроба. Въ храмѣ была мертвая тишина... чего-то ждали, на средину вышелъ іеромонахъ о. Сергій (профес. Москов. академіи) и съ глубоко прочувствованною, сильною рѣчью обратился къ усопшему. Но не успѣлъ онъ сказать и десяти словъ, какъ вдругъ раздирающе душу крики потрясли всѣхъ присутствовавшихъ: „Боже мой, научите-же, что мнѣ дѣлать!“... Нужно-ли пояснять эти слова? Нужно-ли говорить о той боли и горечи, съ какою они вырвались изъ старческой груди матери?!.. Проповѣдникъ продолжалъ. Обрисовавъ положеніе и судьбу умершаго, онъ перешелъ къ состоянію душъ въ загробномъ мірѣ, говорилъ о таинственномъ соединеніи душъ въ томъ мірѣ и указывалъ, что это временное разъединеніе любящихъ душъ вознаградится будущимъ, тѣснѣйшимъ единеніемъ, что слѣдовательно смерть не на всегда разъединяетъ насъ другъ отъ друга. По окончаніи рѣчи началось отпѣваніе. Въ глубокомъ безмолвіи прошелъ этотъ торжественно печальный, напутственный голосъ Церкви умершему. Въ концѣ прохода, послѣ «Слава въ вышнихъ Богу» была сказана другая рѣчь, студентомъ IV курса Московской академіи А. М. Клитинымъ *). Въ этой рѣчи были высказаны послѣднія пожеланія умершему и послѣднее «прости» отъ товарищей-студентовъ... Наконецъ наступило время отдать послѣднее цѣлованіе умершему. Перо не въ состояніи передать тѣ ужасныя мученія, съ которыми молодая жена пошла на послѣдній, прощальный поцѣлуй съ умершимъ мужемъ. Съ трудомъ взяли ее отъ гроба... неистовые крики потрясли воздухъ и бѣдная упала безъ чувствъ... (такъ что говорятъ даже не было замѣтно біенія пульса). А мать? Она не могла удержаться на ногахъ при гробѣ и тутъ-же упала... Увели и эту страдалицу... Простились наконецъ и всѣ присутствовавшіе.

Вскорѣ похоронная процессія медленнымъ шагомъ потянулась отъ церкви Екатерины мученицы къ Пятницкому кладбищу. На пути служили литіи, — трезвонъ раздавался во всѣхъ

*) Нѣкоторые товарищи и друзья покойнаго о. Михаила, которые не были на погребеніи, высказывали глубокое сожалѣніе по этому поводу. Причиною же ихъ отсутствія было то, что они не могли своевременно узнать о мѣстѣ отпѣванія.

церквахъ, мимо которыхъ направлялась процессія, — встрѣчавшіеся люди, обнажая голову, творили крестное знаменіе, слышались вопросы: «кого хоронятъ?», — высказывались сожалѣнія, — проносилось «царствіе небесное!» умершему... а гробъ между тѣмъ тихо и незамѣтно подвигался къ мѣсту... Вотъ уже и кладбище. Священнослужители — тѣ, которые для того опередили похоронную процессію, — встрѣтили ее у кладбища, отслужена была литія, — и вотъ гробъ тихо потянулся по направленію къ вырытой могилѣ. Вотъ и «вырытая заступомъ яма глубокая»... Началась литія... Гробъ стали опускать въ могилу... два пронзительныхъ крика: «Миша!» раздирающе пронесли въ холодномъ воздухѣ, — и наступала тишина, ужасная своимъ безмолвіемъ... Все въ какомъ-то забытій смотрѣли на падающую въ могилу землю, на гробъ, мало по малу скрывающійся подъ землею и многое, многое думалось каждому... многое говорилъ сердцу важдого этотъ шумъ падающей земли...

А. К.

РѢЧИ У ГРОБА СВЯЩЕННИКА М. В. ЛЕОНОВИЧА.

I.

Предоставляя твоимъ добрымъ товарищамъ почтить тебя достойнымъ обстоятельнымъ словомъ, и я, твой землякъ и другъ, не могу не помянуть тебя добрымъ краткимъ словомъ, и, да не посѣтуютъ слушатели; чего не доскажу я, то договорятъ другіе, болѣе меня знающіе тебя.

Давно ли, незабвенный усоншій другъ нашъ, такъ радостно привѣтствовали мы тебя и съ окончаніемъ высшаго курса наукъ, и съ вступленіемъ въ счастливый бракъ и съ поступленіемъ на видное мѣсто священническое? Но ты прекрасно учился, женился и носватился какъ бы для того, чтобъ чрезъ два мѣсяца потерять все! Увянуть, умереть во цвѣтѣ силъ, счастья, надеждъ на прекраснѣйшее будущее, на зарѣ новой самостоятельной жизни, таить и угасать на рукахъ юной супруги, отравлять медовые мѣсяцы жгучею болью, горечью предстоящей смерти, смѣнить такъ скоро вѣнецъ брачный вѣнцомъ погребальнымъ, ложе брачное смертнымъ одромъ, оставить вдовою юную подругу, не бывшую, можно сказать, женою, погубить столько заботъ и жертвъ, предпринятыхъ добрыми для устроения семейнаго вашего счастья, — что можетъ быть печальнѣе, ужаснѣе этого! А двѣ бѣдныя осиротѣвшія семьи твои? Та и другая недавно лишилась отца семейства, а въ тебѣ онѣ лишаются того, кто могъ замѣнить для нихъ роднаго отца! Всего-жъ болѣе теряетъ въ тебѣ прежняя родная семья, для которой ты былъ единственною опорою, отрадою, честью, гордостью и которая теперь остается съ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, хозяиномъ дома! Съ тобою она, повидимому, теряетъ все!

Но «по множеству болѣзней въ сердцахъ твоихъ и ихъ, утѣшенія Господни возвеселятъ души ваши. Старость не многолѣтна, ниже въ числѣ лѣтъ считается; сѣдина мудрости и житіе нескверно — возрастъ старости». Сколько мы знаемъ тебя по умной, душевной бесѣдѣ и по сочиненіямъ твоимъ, ты въ юношескихъ лѣтахъ выработалъ убѣжденія и взгляды далеко не юношескіе, зрѣлые, опытные, свойственные, можно сказать, сѣдинѣ мудрости и житію нескверну, (чему много способствовала училищная служба твоя). Въ тебѣ и тѣни не было отрицательныхъ и легкомысленныхъ отношеній къ обрядности и учрежденіямъ церковнымъ, надъ которыми любить такъ поострить нынѣшняя молодежь; съ зрѣлостію и твер-

достію мужа ты стоялъ выше всехъ вѣяній и прираженій времени. Возвышенный и обширный кругозоръ мысли, цѣльность міровоззрѣнія и склада душевнаго, чувство мѣры и приличія во всемъ, строгій тактъ въ словѣ и дѣлѣ, рѣчь простая, сердечная, словоохотливая, но дѣловитая, сильная, убѣдительная, мудрость не книжная только и научная, за предстоящій печатный трудъ готовившая уже тебѣ высшую ученую степень, но «жизненная, практическая, кроткая, мирная, исполненная благожелательства и помощи къ роднымъ и товарищамъ; самый даже ви́шній видъ статный, стройный, изящный, обликъ блѣдный и изнуренный съ идеальными чертами лица, взоръ то самозаглубленный и сосредоточенный, то свѣтившійся ясностію сознанія, добротою и ласковостію къ другимъ, то скрывавшій какую-то строгость къ себѣ, пламенную ревность къ долгу; быстрота, энергія и въ то же время мѣрность въ движеніи и во всей фигурѣ — когда крѣпкой и мускулистой — все обличало въ тебѣ чловека духа и идеи, мужа добра и правды, сложившагося нравственно крѣпче и старше лѣтъ своихъ, (за что мы такъ любили и уважали тебя). Ты созрѣлъ для вѣчности и, какъ ни рано, по видимому, покинулъ насъ, но Господь взялъ тебя къ себѣ, вѣрно, въ лучшую для духовнаго преусиленія пору. «Подольше пожилъ бы, скажете вы, еще лучше, зрѣлѣе былъ бы для вѣчной жизни?» Но Господь намѣренія прие́млетъ и желанія цѣлуется, одинъ часъ работавшихъ Ему вознаграждаетъ такъ же, какъ и весь день трудившихся для Него. Каждого Онъ возьметъ изъ среды живыхъ въ самую благовременную пору. Этихъ добрыхъ задатковъ и стремленій и обнаруженій ихъ въ твоей недолговѣчной жизни, вѣрно, вполне достаточно для приготовленія тебя къ вѣчной жизни такимъ именно, лучше какого едва ли ты могъ быть, сколько бы ни жилъ здѣсь. И чѣмъ больше было въ тебѣ задатковъ религіозныхъ, чѣмъ болѣе вѣры и упованія, тѣмъ болѣе несповѣдимыхъ судьбъ проявляетъ надъ тобою Господь. И памъ, не вдаваясь въ недоумѣнные вопросы, за чѣмъ ты такъ рано покинулъ насъ и сиротъ своихъ, остается превклониться предъ несповѣдимостію сихъ судьбъ, памятуя, что «блаженни не видяшіе, но вѣрующіе». Священнослужитель не по званію только, но и по призванію, ты былъ бы такимъ же учительнымъ и по жизни назидательнымъ пастыремъ церкви, какимъ ты былъ воспитателемъ въ школахъ низшей и какимъ надѣялись видѣть тебя все, знавшіе тебя въ школахъ высшей. Но вмѣсто того, чтобъ другихъ поучать у алтаря Господня; тебѣ суждено поучаться и просвѣщаться отъ умныхъ Силъ, отъ святыхъ Божіихъ, отъ присѣдающей престолу Господню Премудрости Упостасной, высочайшей, безпредѣльной. Мы здѣсь видимъ ее, яко зеркаломъ въ гаданіи, отыскиваемъ съ такими трудами и усиліями, а ты будешь созерцать ее лицомъ къ лицу. Свѣтъ жъ ты намъ этимъ свѣтомъ, съ высоты горняго міра! Священнодѣйствовать, послѣ семи литургій твоихъ въ величественномъ храмѣ Христа Спасителя, суждено тебѣ также въ нерукотворной церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ. И вѣруемъ и уповаемъ, что недавно полученная тобою благодать священства савшкомъ чиста и дѣйствительна, чтобъ не восхитить тебя къ священному лику избранныхъ. Предсмертное какъ бы посвященіе твое въ священный санъ — такой же чистый, неомраченный залогъ для блаженной жизни, какъ ангельскій чинъ и схима, въ какой облакаются иные предъ самою смертію. Вновь посвященный священникъ, по Златоусту, есть Ангелъ Господень: и ты священнодѣйствовалъ,

какъ Ангель Господень, въ незримомъ сослуженіи Ангеловъ, свѣтлый радостный, одухотворенный, нравственно преображенный! Каждый разъ и предъ смертію ты приобщался св. Тайнамъ Христовымъ «съ чистою совѣстію, въ веселіи Божественномъ, ощущая блаженную сладость пришествія Христова и оподченія окрестъ тебя Ангеловъ Божіихъ». Коль краты радости и сладости будутъ священнодѣйствіемъ молитвъ твоихъ у престола небснаго, предъ Богомъ и Ангелами! И какъ ни счастливо устроилась была твоя судьба здѣсь, но тамъ, въ иной жизни, надѣмся, лучше тебѣ будетъ. Молись же о насъ у престола Вседержителя, урави насъ на пути къ царствію Христову, какъ мы будемъ молиться о тебѣ здѣсь и приносить тебѣ безкровную жертву у алтаря Господня, да вси едино будемъ съ Господомъ Спасителемъ, да соединимся съ Нимъ, какъ вѣтвь съ лозою, да будетъ Онъ для всѣхъ насъ свѣтомъ, животомъ, покровомъ, жилищемъ!

Отсутствуя отъ насъ тѣломъ, ты будешь присущъ духомъ, въ особенности съ избранницею сердца твоего, осиротѣвшею супругою. Не напрасно жъ вы возлюбили другъ друга такою пламенною, чистою, дѣвственною любовію; не случай, не искательство, а Самъ Господь соединилъ васъ; эта любовь «никогда не отпадетъ». Въ ней самый надежный залогъ общенія вашего въ духѣ чрезъ всю земную жизнь до свиданія и единенія въ загробной жизни. «Кто любитъ Меня, говорилъ Спаситель ученикамъ предъ отшествіемъ Своимъ отъ міра, тотъ возлюбленъ Дбудеть Отцемъ Моимъ, къ тому Мы придемъ и обитель сотворимъ»; указуя на завѣтъ взаимной любви другъ къ другу, Спаситель продолжалъ: міръ не увидитъ Меня, а вы узрите Меня, потому что Я живу въ васъ и вы живете во Мнѣ. . . Да будутъ всѣ они, любяще и вѣрующіе, едино въ Насъ, яко же Ты во Мнѣ и А:ъ въ Тебѣ». И ты, юная вдовица, любя Бога, какъ любилъ Его твой достойный супругъ и какъ любили вы и будете любить другъ друга, во имя Бога, возлюблена будешь Отцемъ Небеснымъ, и Онъ, Отецъ Небесный и Сынъ, придутъ въ вамъ, обитель у васъ сотворятъ, сольютъ васъ въ одну душу и сердце, (не нарушая, конечно, личности, особенности) въ одно духовное жилище для себя: и вы такъ же соединены будете другъ съ другомъ въ духѣ, какъ въ той или другой душѣ вашей будетъ заедно обитать Троицкаское Божество, Отецъ, Сынъ... Будете жить въ Богѣ, какъ жили вы другъ въ другѣ, взаимно себя восполняя, и, по разлукѣ, станете жить въ Богѣ даже болѣе, чѣмъ сколько жили вы другъ въ другѣ: и Богъ будетъ жить въ васъ, и вы, ощущая близость присутствія Бога, какъ бы видя и осязая Его, будете видѣть въ Немъ, въ духѣ вашемъ, и другъ друга и такъ сладостно и близко, какъ видѣли вы одинъ другаго наяву, съ глаза на глаза. Духъ важнѣе тѣла и единеніе и лицезрѣніе въ духѣ, предъ лицомъ Самого Бога, въ общеніи вѣчныхъ благъ и радостей, полнѣе и сладостнѣе общенія или свиданія чувственнаго, внѣшняго, часто избѣгаемаго, суетнаго превратнаго. Словомъ, въ Немъ, въ Богѣ, чрезъ чистую и святую любовь вашу, вы будете едино другъ съ другомъ, общники всеблаженнаго единенія, какое существуетъ въ Троицкаскомъ Божествѣ. Да и въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, кого любишь всею душою, о томъ постоянно почти думаешь, того объемлешь всею чувствами и помыслами, въ того влагаешь свое сердце, душу. Даже любя страстно какой либо предметъ, занятіе, влагаешь въ него, какъ говорится, всю душу свою, все существо свое. Любя пламенно другъ

друга, витая одинъ возлѣ другаго всею помыслами и чувствами, объемля себя взаимно, вы душою и сердцемъ будете находиться одинъ около другаго, какъ бы слышать, ощущать, осязать другъ друга. А любя взаимно и живя въ Богѣ и для Бога, вы въ духѣ будете видѣть и осязать другъ друга во свѣтѣ лица Божія, всерадостномъ, всеблаженномъ, переполняющемъ все существо ваше. А если присоединить сюда молитву вѣрующихъ сердець, эту бесѣду души съ Богомъ, то бесѣдуя съ Богомъ другъ о другѣ, вопія къ Нему о своихъ нуждахъ, изливая предъ Нимъ свои скорби и радости, можно бесѣдовать въ душѣ в другъ съ другомъ, не членораздѣльными, конечно, звуками, но языкомъ сердца, сердцемъ сердцу подавая вѣсть, и при томъ предъ лицомъ Бога, при посредствѣ таинственныхъ глаголовъ Самого Бога, сладчайшихъ, животворныхъ. Какая неизмѣримая честь, милость и радость! Это духовно-благодатное общеніе или лицезрѣніе душъ—не то, что видѣніе душъ изъ царства мертвыхъ, являющихся въ тончайшихъ чертахъ тѣлеснаго ихъ облика, (наприм. спиритамъ). И здѣсь притягательная сила для вызова душъ умершихъ кроется въ любви къ нимъ живыхъ, но эта любовь безъ молитвы и преданности Тому, въ чьихъ рукахъ власть надъ жизнью и смертію, ведетъ не рѣдко къ призракамъ и обманамъ, устрояемымъ духами тьмы. Не безъ опасности была и ваша земная любовь другъ къ другу. Здѣсь, въ земной жизни вы могли бы перелюбить другъ друга, возлюбить одинъ другаго паче Бога: и вотъ сокрушается одинъ кумиръ, разрушается тѣлесный остоветъ этотъ, чтобъ вы всецѣло преданы были одушевлявшему его духу и Тому, Кто вложилъ въ него безсмертный этотъ духъ. Хороша супружеская жизнь на землѣ, отрадно видимое, чувственное общеніе: но внутреннее тѣснѣйшее общеніе ваше въ духѣ; во имя любви, молитвы, вѣры предъ лицомъ Троицкаснаго Божества, въ общеніи Ангеловъ и святыхъ, это—такое блаженство, какого «око не видѣ, ухо не слыша». Не говорите, что это слишкомъ мистично, трудно, не возможно: для любви, молитвы и вѣры все возможно, и повѣрьте тѣмъ, кто въ большей или меньшей мѣрѣ сами все это испытали, пережили, почувствовали, проживъ въ супружествѣ не годы и десятилѣтія, а мѣсяцы и недѣли. Богъ дастъ, переживешь и почувствуешь это и ты, юная вдовица, и въ самой печали ощутишь вкусъ радости, чистой, возвышенной, сладостной, безпредѣльной.

Утѣшитъ Господь и всѣхъ сиротствующихъ. Однихъ изъ этихъ сиротствующихъ «отецъ и мати оставиша, но Господь воспріялъ» и въ поочетельныхъ родныхъ уготовалъ для нихъ отца и мать. Не оставитъ Отецъ сиротъ и бѣднѣйшихъ многочисленныхъ сиротъ самого усоншаго эту безутѣшно-плачущую мать, сестеръ, братьевъ: у Бога нѣтъ сиротъ, свыше силъ Онъ не посылаетъ человеку испытанія. И имъ Онъ пошлетъ милостивыхъ покровителей въ тѣхъ, въ комъ они и не ожидали.

Да утѣшитъ Онъ всѣхъ насъ и да учинитъ душу усоншаго въ селеніяхъ праведныхъ!

II.

Грустно и тяжело, когда смерть отнимаетъ у родителей нѣжное дорогое и любимое дитя;—когда смерть разитъ человека, не исполнившаго своихъ семейныхъ обязанностей,—не давшаго своей семьѣ мало-мальски достаточныхъ средствъ въ жизни, грустно видѣть смерть юноши, прошедшаго только еще полпути своей школьной жизни; но несравненно грустнѣе и тяжелѣе видѣть, какъ нещадная коса ужасной смерти

разить товарища и друга, еще полного молодыхъ силъ и свѣтлыхъ надеждъ,—товарища, который уже достигъ своей цѣли и только что началъ пользоваться плодами своихъ трудовъ. Не прошло и полгода съ того времени, какъ нашъ другъ окончилъ свое высшее образованіе,—а уже могла приниматься его въ свои холодныя объятія. Не успѣлъ еще освоиться, какъ слѣдуетъ, съ своимъ новымъ положеніемъ, насладиться радостями тихой, семейной жизни, а уже смерть быстро и жестоко разитъ молодую силу. Господи, что можетъ быть ужаснѣе? Что достойнѣе сожалѣнія?!

Дорогой другъ! Страшныя и торжественныя минуты, которыя мы переживаемъ здѣсь, у твоего гроба невольно смиряютъ нашу душу, смягчаютъ наше сердце, прости! подчасъ гордое и непокорливое,—и мы съ трепетомъ взираемъ на тебя вступающаго за порогъ вѣчности. Мы какъ бы чувствуемъ дыханіе какой то высшей, неземной силы, чувствуемъ присутствіе вѣчности и страхъ обнимаетъ наше сердце. Мы сами дѣлаемся свидѣтелями и участниками твоей торжественной и таинственной минуты. Пусть же въ благоуханіе церковныхъ о тебѣ молитвъ взойдутъ предъ царя Небеснаго и молитвы твоихъ друзей и товарищей объ упокоеніи души твоей въ нѣдрахъ Авраама! Пусть милосердый Господь Богъ воздастъ тебѣ небесными благами за то добро, которое ты дѣлалъ товарищамъ и друзьямъ по своей любви и чистосердечію. Пусть каждая капля твоей любви, которую ты удѣлялъ всемъ намъ, принесетъ вторичный плодъ въ обителяхъ Отца Небеснаго. Пусть и среди людей, среди товарищей и друзей, вѣчная память будетъ твоимъ добрымъ и благомъ намѣреніемъ, тѣмъ частицамъ добра, которыя ты удѣлялъ кому либо изъ своего сердца. Вѣчная память тебѣ, дорогому другу нашему! Кто изъ насъ не помнитъ тѣхъ пріятныхъ и дружескихъ бесѣдъ, которыя ты раздѣлялъ съ нами? Бывало, собравшись, бодро и смѣло смотримъ мы въ ожидающее насъ будущее, строимъ смѣлые планы, судимъ и толкуемъ горячо, даже не разъ бывало и поспоримъ, но не всегда ли у насъ все это оканчивалось мирно и дружбо, и солнце не заходило во гнѣвъ нашѣмъ? Кто изъ насъ не помнитъ, какъ бывало въ трудныхъ обстоятельствахъ мы другъ другу старались подавать совѣты и ты не разъ вырочалъ кого либо изъ насъ своимъ добрымъ словомъ и при вѣтомъ? А кто забудетъ послѣднія минуты прощанія съ тобой, мы отпускали тебя въ жизнь съ благими пожеланіями,—когда, привѣтствуя зарю твоей самостоятельной жизни,—въ своихъ послѣднихъ объятіяхъ и прощальномъ поцѣлуѣ мы свидѣтельствовали тебѣ искреннее и братское пожеланіе счастья и успѣховъ въ жизни? Кто изъ насъ забудетъ твои полныя дружескихъ чувствъ пожеланія и намъ успѣховъ въ научныхъ занятіяхъ и счастливаго будущаго? Увы! наши пожеланія не исполнились! Господь Богъ рѣшилъ иначе и намъ, грѣшнымъ людямъ, не позволительно проникать въ неисповѣдимыя тайны Его судьбы. Въ безмолвномъ трепетѣ мы отступаемъ предъ этой великой и страшной тайной.

Прости—же насъ, добрый товарищъ, если мы когда либо тебя обидѣли или оскорбили и, какъ служитель алтаря, помолись за насъ грѣшныхъ предъ лицомъ Господа Бога.

Уновой, Господе, душу новопреставленнаго раба Твоего іерея Михаила!

ПРОТОІЕРЕИ М. В. СПАССКІЙ.
НЕКРОЛОГЪ.

Ноября 24 скончался настоятель Воскресенской, села Васильевскаго, церкви—Коломенскаго уѣзда—протоіерей и благочинный Михаилъ Васильевичъ Спасскій, 73 лѣтъ отъ рода. Почившій былъ сынъ священника, студентъ Рязанской духовной семинаріи, выпуска 1832 года. Вѣднѣсть была удѣломъ почившаго, съ колыбели до гроба. Когда онъ учился въ семинаріи, то отецъ его, имѣвшій 4 сыновей и 4 дочерей, могъ удѣлять ему только десять руб. ассигн. въ треть. На эту сумму семинаристъ Спасскій долженъ былъ нанять квартиру и столъ имѣть. По окончаніи курса, отправившись пѣшкомъ въ Московскую губернію, къ одному своему родственнику, онъ водимый Промысломъ Божиимъ, остановился отдохнуть у одной священнической вдовы, имѣвшей дочь. Студенту Спасскому дѣвица-сирота понравилась и онъ, при участіи къ сиротѣ—матери въ Бозѣ почившаго митрополита Фларета, поступилъ въ Московскую губернію и былъ, мая 6 дня 1833 года, рукоположенъ во священника къ Христо-рождественской, что на погостѣ Борзцовѣ, церкви. Взявши за невѣстою своею деньгами только сто руб. ассигн. и затративъ ихъ на неизбежныя расходы при свадьбѣ и при посвященіи, новорукоположенный священникъ Спасскій, получивши ставленную грамоту, долженъ былъ отправиться изъ Москвы къ мѣсту своего новаго жительства, верстъ сто, пѣшкомъ и безъ денегъ; но надъ нимъ сжалился одинъ урожденецъ села Борзцова, досточтимый отецъ протоіерей І. М. Б., бывшій въ то время діакономъ въ Москвѣ: сей благодѣтель далъ нужную для дороги сумму.—Почившій обладалъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ: его слушали въ сладость не одни крестьяне, но и дворяне, графы и князья; почему ему недолго пришлось жить въ бѣдѣвшемъ мѣстѣ. Въ мартѣ 1834 года, онъ, по желанію помѣщиковъ села Петровскаго, Бронницкаго уѣзда, былъ переведенъ въ это село, болѣе достаточное. Изъ Петровскаго, по желанію графа и графини С., почившій былъ перемѣщенъ въ мартѣ 1850 г. въ село Васильевское. Изъ одного прихода въ другой прихожане провожали его съ любовью и благожеланіями, которыми онъ и пользовался до самой смерти. За честную, трезвую жизнь и замѣчательный умъ, почившаго не оставляли вниманіемъ общество и начальство. Такъ онъ состоялъ общимъ духовникомъ съ 1848 г. до 1856 г., когда епархіальному начальству угодно было назначить его благочиннымъ, а за тѣмъ, наградивъ его набедренникомъ, орденомъ св. Анны 3-я ст., скуфьею, камидавкою и наперснымъ крестомъ,—возвести въ санъ протоіерея. Пять трехлѣтій былъ избираемъ онъ въ гласныя и нѣсколько лѣтъ состоялъ членомъ училищнаго совѣта. Въ память 25 лѣтій благочинническаго служенія, подвѣдомственное духовенство поднесло ему св. икону, а въ память 50 лѣтій священства—наперстный съ украшеніями крестъ.—Почившій былъ мужъ труда до самой кончины. За недѣлю до своей смерти, вечеромъ совершать молитву уже не могъ стоя, а утромъ сѣдѣлъ вѣхать или въ приходское училище, гдѣ онъ законоучительствовалъ, или въ приходъ, для исправленія требъ, а потомъ нашелъ силы обозрѣть подвѣдомственную церковь, находящуюся на разстояніи 50 верстъ: всѣ эти труды покончилъ онъ до смерти за 4 дня, въ которые читалъ духовныя журналы (любимое занятіе вмѣсто отдыха). Затѣмъ, за сутки до смерти, онъ попросилъ привезти духовника. Послѣ елеосвященія нѣсколько часовъ пробѣдствовалъ съ дѣтьми, только на латинскомъ и греческомъ языкахъ, которыхъ онъ былъ большой знатокъ; часа за два до кончины смолкъ—и смолкъ на вѣки. Ко гробу почившаго собрались 10 священниковъ и 5 оо. диаконовъ, которые, подъ предводительствомъ о. архимандрита коломенскаго Новодеутина монастыря при огромномъ степеніи народа и совершили 27 ноября огнѣваніе, почтивъ память усопшаго, кто—теплымъ словомъ, кто—задушевною рѣчью,—кто горькими слезами.—Послѣ почившаго осталось довольно наслѣдства: прихожанамъ—трезвость, любовь и безкорыстіе; дѣтямъ—честное, незапятнанное имя; подвѣдомственному духовенству—миръ, который поддерживаемъ былъ въ теченіи 27 лѣтъ, а приемни-